
ОБРАЗЫ И ТРОПЫ ПОЭЗИИ

Сергей Жигалин

(г. Ефремов)

Сергей Валентинович Жигалин родился в 1946 году. Работал учителем, художником-оформителем, методистом. Издал 3 книжки стихов.

...СТАЛИ ВЕТРОМ, ДЫХАНЬЕМ, ЗЕМЛЕЙ

Год рождения — сорок шестой.
В сорок пятом отец возвратился.
...А они не вернулись домой.
И никто не родился.

Раз не жили — не будет смертей.
Ничего: ни надежды, ни муки...
Их не счесть, нерожденных детей,
неродившихся внуков.

В молодых человеческих лесах
эта смертная просека — в вечность —
зачеркнула живые сердца
и ушла в бесконечность.

Вдруг — так мало мужчин, много вдов
и остались невестами девы.
И не будет любовью любовь,
и без листиков древо.

...Стали небом, дыханьем, землей,
в камне выбитой бронзовой строчкой,
стали ветром, цветком и травой...
Но не сыном, не дочкой.

Молодыми остались они.
А над полем трепещущий ветер.
...Неоставленный след войны,
бесконечный итог войны:
нерожденные дети.

МОСКВА 3 КИЕВ. ПРОЩАНИЕ СЛАВЯНКИ. 2014

Маше (Марычке) из Киева

Прощай, любовь из Киева. Весна
Уже идет на оба наших дома...
Витчизны дым с Майдана.
И война — Подарок европейского содома.

Бил снайпер метко в «Беркут» и в майдан.
Но полетели разрывные пули
В сердца простых людей из наших стран —
Твое, мое, чеченца и гуцула.

Я — русский. Я — казак. Не либерал.
Он держит ваш жовто-блакитный прапор,
Где начертил уже нацистский каннибал
Знак нового хохляцкого гестапо.

Дымы Отечества — Витчизны дым
Тревожными смешались облаками...
Да не падут они свинцом на Крым,
Хохлам не разлучиться с москалями!..

Прощай, моя любовь! В сердцах зима
И лед, который не порушить ломом.
Коричневая с кровушкой чума
(Европе плюс!) на оба наших дома...

Осень. Скоро зима. Листопад
Мне весна задавала вопросы.
Отвечал я на них много лет.
Зажигает печальная осень
На прощанье торжественный цвет.

Я бреду по тропинкам устало...
Дни ушедшие словно листва.
Все свершилось, случилось, настало...
Жизнь моя превратилась в слова.

Обернулась нежданно стихами:
В них мечтал, ошибался, любил...
Срифмовал все ответы... на память...
Да вопросы давно позабыл.

...Разве новое слово услышу?
Небывалый вопрос невопад?
Сердце бьется все тише, все тише...
Осень.

Скоро зима...

Листопад.

**НА ЦЕЛУЮ ДЕРЕВНЮ
УМЕНИЛИСЬ СТРАНА...**

Деревня Колыбелька

Ромашковое море и
крохотный лесок.
Спускается в подгорье
прозрачный ручеек.

Летят по веткам белки,
у хаты дремлет кот.
В деревне Колыбелька
Аленушка живет,

и ситцевые глазки
нечаянно цветут.
Тихонько бродит сказка,
оставшаяся тут.

Гостей кот манит лапкой
на будущие дни.
Живет Алена с бабкой,
остались здесь одни.

Уехал, кто моложе,
угасли старики.
И бабушка итожит
ушедшие деньки.

Старушка ляжет скоро
в последнюю постель...
И крикнет черный ворон,
под белую метель.

Аленушка уедет
и сгинет старый кот...
Увидит путник редкий:
никто тут не живет.

И ситцевые глазки здесь
больше не цветут.
Ушла куда-то сказка,
разруха бродит тут.

Деревня Колыбелька.
Шагать бы по росе...
Из этой колыбели
когда-то вышли все.

Грустят в лесу деревья,
печалится луна...
На целую деревню
уменьшилась страна.

ЛИСТЬЯ-СЛОВА... С. ЕСЕНИНУ

*Как дерево роняет тихо листья,
Так я роняю грустные слова*
Сергей Есенин

Землей когда-то листья станут снова,
В ней крохотное семечко взойдет
Побегом слабым, а быть может, словом,
А слово нежной грустью расцветет.

И зазвенит на ветках птичий щебет.
А кружево из света и теней
Сведет земную тяжесть с лунным небом...
Соединит грамматика ветвей

Зеленый лист с листком, со словом слово,
Тьму земляную — чистый ветерок.
Жить, как и умереть — давно не ново...
А слово, всем привычное — росток

Из бывших слов, из облетевших листьев
К иным стихотвореньям и лесам,
К простому свету несказанных истин
И к юным человеческим голосам.

Поэт играет? — нет, живет словами,
Сгорает сердцем, чтоб тебя согреть...
Береза шепчет нежными листками
О том, чему процвести и умереть.

МАМА

Моей маме, Жигалиной Марии Игнатьевне (в дев. Осипова), 1.4.1923 (Хутор Калиновский, г. Фролово) — 14.2.2011 (санаторий им. Дзержинского, Воронежская обл.). Казачка, труженица, дама... Вышла замуж за Жигалина Валентина Максимовича в 1940 г. Шесть лет ждала его с войны... Прожили с отцом 65 лет... Более 50 лет работала библиотекарем.

Материнское сердце — не камень.
Верит, любит, прощает и ждет.
...Я опять уезжаю, и мама
Провожает меня до ворот.

Уезжал я мальчишкой когда-то,
а теперь уезжаю седой.
Не считайте внимательно даты:
мама есть — я еще молодой.

Сколько было поступков упрямых!
Сколько раз — только шаг до беды.
Но вздыхала и верила мама:
все хорошее — там, впереди.

Уезжал я и вновь возвращался,
чтоб ненастье в судьбе переждать.
Все менялось, и все оставалось:
Тихий дом... мама, матушка, мать.

...Ты слезу вытираешь украдкой.
Осеняешь в дорогу крестом...
Только сердцу бывает понятно:
все хорошее — мама и дом.

* * *

Течет прозрачная тоска...
За небесами небеса,
реки неспешный ток.
Благословенные леса,
песка чистейшая коса
и лилии цветок.

Локатор лепестков раскрыт,
воспринимает мир,
судьба переместилась в быт,
смысл бытия надежно скрыт —

невидимый пунктир.
Зачем явились в белый свет,
зачем же ночь нежна?
Как на вопрос найти ответ...
Жизнь — сладкое стечение бед,
бесхитростно сложна.

Ответом белого цветка
сквозь благодать воды
на плавной нити стебелька
со дна протянется рука,
как водный знак звезды.

Течет прозрачная тоска
из глубины веков.
Мешает ветер облака,
свечение белого цветка
и вечность мотыльков.

Николай Титов
(г. Ефремов)

Николай Иванович Титов родился в 1947 году. Журналист. Публиковался в журналах «Советский воин», «Крокодил», газетах «Красный воин», «Книжное обозрение» и других. Издана книга стихов «Зоревой свет Родины».

КОЛОДЕЗНЫЕ ЖУРАВЛИ

Уж встала мать, прибрав лежанку
И принесла охапку дров.
Скрипел журавль наш спозаранку,
Из глубины таща ведро.

Гремела цепь, вода плескалась,
На срубе лед, как слой слюды.
Все это в памяти осталось
Со вкусом вместо той воды,

Ржаного хлеба русских печек,
Моченых яблок в январе.
Неистребимый дух овечий
Витал повсюду во дворе.

Тут в сенях свињи поросились,
Телят держали с первых дней.
Как часовые по России
Торчали вежи журавлей.

Их грузом были камни, рельсы.
Легко вздымала их рука.
А сруб народные умельцы
Вершили так, что на века.

Теперь вода из крана льется
(Как без него мы жить могли?)
Исчезли журавли колодцев
И с наших речек журавли.

И мельниц мшистые плотины,
И крыш солома, и плетень.
За техпрогресс мы заплатили
Душою русских деревень.

Гудит иное время ныне,
Иные люди и дела.
Нет той открытости в помине,
Той простоты, того тепла.

Сходились бабоньки у сруба
И — в разговоры, во весь пыл.
Колодезь был в деревне клубом,
Газетой, радио он был.

Объединял людей колодезь.
А ныне что объединит?..
Вот особняк. Окно, как прорезь
Прицела.

Душу леденит.

КАПРИЧОС

Диссонансы

Сон разума рождает чудовищ

Ф. Гойя

Непонятно: лицо или зад чей?
А глаза — ничего не свято.
Молох — времени нашего зодчий.
Эти — шайка его и свита.

Эти души бескрылы и хромы
И ко всем повернулись тылами.
Не найти нам дорогу к храму,
Что мощена сердцами усталыми.

Непролазно людское болото.
В нем жируют, бросая корки,
Те, кто выпрыгнул из партбилета,
Словно чертик из табакерки.

Под пята к ним попали разом мы,
Куда ж далее колесо вести?
Породил их не сон разума,
Породил паралич совести.

СВЯТОЙ РОМАН РЯЗАНСКИЙ

*«Со всех сторон нахлынули они,
Иных времен татары и монголы»*

Н. Рубцов

«А вера эта — суеверье.
В ней истины ни капли нет.
То сатанинской шапки перья,
К гибели ведущий свет» —
Такие речи в ставке ханской
От стен, полков своих вдали
Вел светлый князь Роман Рязанский.
Об этом хану донесли.
Доставлен князь пред очи хана.
Тимур, подняв в руке Коран,
«Что есть сие?» — спросил Романа.
«Обман!» — отвечивал Роман.
Хан замолчал, грозя глазами,
От гнева, удивленья бел —
Князек растерзанной Рязани
С ним спорить дерзостно посмел!
«Холоп! Ты примешь веру эту,
Иль голова слетит с плечей!»
«С муллой мне знаться проку нету,
Уж кликни сразу палачей».
С хмельной пирушки ли, с одра ли
Князь ставил жизнь свою на кон.
Стальными крючьями содрали
С живого кожу и на кол
Надели голову, ликуя,
Рязанской гордости дивясь.
Зачем же смерть себе такую
Бедовый уготовил князь?
С «высот» сегодняшних, к примеру,
Могли б мы так сказать ему:
Мол, если любишь свою веру,
Ругать чужую ни к чему.
Не признавал князь плюрализма.
На душу копотью легла
Ему спаленная Отчизна,
Опустошенная дотла,
Рязань под саваном из пепла,
Его побитая родня.
В нем ненависть жила и крепла,
Благоразумье заслоня.
Ему ль покорствовать, немя,
Тянуться из последних жил?
Меч под рукою не имея,
Как меч, он слово обнажил.
Как в бой пошел с дружиной верной,
Поднявши пращуров копье...

Романе, княже благоверный,
Даруй нам мужество свое!
На Русь, степную и лесную,
Опять нагрянула беда.
Аркан на шее захлестнула
У нас иных времен орда.

СВЯТОША

Уж в хоромах след его простыл.
Позабыл булат, коня и латы.
Он сменил на тихий монастырь
Княжеские шумные палаты.

Тут живут без зла и без утрат.
Ни двора не нужно, ни кола им,
Святослав, в крещении Панкрат,
Приняв схиму, звался Николаем.

Поросло минувшее быльем,
И охоты, и пиры, и сечи.
То он у соломенных ульев,
То он носит воду, топит печи.

Трудится в мороз он и в жару,
Хлеб не горек и не тянет ноша.
Ведь не зря его еще в миру
Так и называли: князь Святоша.

Отдавая должное уму,
Прямоте, правдивости и чести,
За судом и миром шли к нему
Братья, не ужившиеся вместе.

Жалок властолюбия угар.
И, не зная совести и страха,
Друг на друга шли, как на врага,
Олега племя, племя Мономаха.

Они грызлись из-за городков,
За уделы вспыхивали свары.
И висел над Русью звон подков,
Трепыхались крыльями пожары.

Он мирил всех, не жалея сил,
Вырывал вражды змеиной жало.
Сам же только на врагов Руси
Свой клинок булатный обнажал он.

...Тихая обитель. Не гордись.
Самый скромный из монашеской братии,

Как щиты, поленья рубит князь
И не знает лучшего занятия.

Вот опять в монастыре возня.
Иноков смущая и тревожа,
Понаехали к нему князья,
Просят: рассуди нас, брат Святоша!

...Где теперь такой авторитет?
Все проворовались поголовно,
И на всем, куда ни глянешь,
словно Безвременья и безлюдья след.

МЕД

Пел сверчок без страха и заботы,
В сталь окошко заковал мороз.
Немцы ели мед, нарезав соты.
Обсосавши, сплевывали воск.

Знать, не углядела мать девчонку,
Что к столу шагнула, будто в рай.
Ростом с веник, протянув ручонку,
Властно так потребовала: «Дай!»

Видно, Бог один для всех на небе
И все видит, хотя так высок —
Повернулся стриженный фельдфебель
И подал большущий ей кусок.

Немцы улыбались, лопотали,
Вспомнив сразу про детей своих,
И еще кусок мальчонке дали,
Что за печкой прятался от них.

Добряки... Угрюмый, неученый,
Плюнул дед, пошел дрова колоть
И косился на подвал, где пчелы
Мерли у разграбленных колод.

ПИР

— Ешь папаня. Ешь, кому сказала!
Вон, еще полчугуна яиц.
Все авось свое, а не с базара.
Все равно сожрет проклятый фриц.

Фронт был близко. Крепла канонада.
Вырастало зарево в ночи.
— Ешьте веселее. Не для гада
Оставлять такие вот харчи.

— Не могу, Марфутка! Стало в горле.
Шутка ль — целиком съел петуха.
Пусть сожрут и чтоб они померли!
— Ешь! — опять командует сноха.

Не оставлю извергам ни крошки!
Все одно — найдут, куда ни спрячь.
...После будут мерзлые картошки,
С лебедою праздничный калач.

Будут, тюрю похлебав, пустую,
Забеливши каплей молока,
То пахать, то рожь валить густую,
Молотить и веять, а пока —

Пир горой, невиданный аж с детства.
Сразу шел за завтраком обед.
Если б можно было раз наесться
На все десять следующих лет!

БАБКА

Она вразвалку — ноги больно —
Все ковыляет по двору.
Она всегда и всем довольна.
Что Бог ни делает — к добру.

К добру, что сына посадили,
А то б кого-нибудь убил,
И что старик уже в могиле,
А то уж больно много пил.

И что племянник без работы,
А то бы тоже пил дуром.
К добру, что дочка без заботы
Живет давно уж за бугром.

Там не барак — апартаменты,
Но пишет, не забыла мать:
Какие, мол, медикаменты
Вам из Израиля прислать?

А ей к добру, что все болезни
На каждый выдох и на вдох
Вдруг обнаружили, полезли.
Не отвернулся, значит, Бог!

Глядишь, грехи будут прощены,
Как дочка говорит, до йот...
Вот то, что внуки не крещены,
Ей все покоя не дает.

Александр Хадарцев
(г. Тула)

В НЕСТИНАРКЕ

Дует ветер. С моря ветер дует...
Водоросли дух несут морской.
Ветер и колдует и волнует,
навевая свежесть и покой.

Все, что море к берегу прибило:
и ракушки, и дерев стволы —
в натюрморте красочном застыло
у обломков каменной скалы.

На песке (по-майски — не горячем)
жмутся чайки белизною крыл.
Меж собой они и мы судачим,
зря не тратя на беседу сил.

Стайки чаек, отдохнув, вспорхнули —
продолжать рыбацкие труды.
Бурунов барашки всколыхнули,
дергая рыбешку из воды.

Рядом протянулась Нестинарка
с шорохом судьбой истертых шин.
Было здесь не холодно, не жарко —
вдалеке от горности вершин.

Но болгарский воздух, без сомненья,
воздуху кавказскому — сродни.
«Кисело мяко» — дарит вдохновенье.
«Плиска» — освежает наши дни!

Обретенье главное — соседи!
Тост за них поднимем как всегда!
Чтоб они, приятные в беседе,
с нами не старели — никогда!

НА ПЛЯЖЕ

На пляже в Нестинарке — суета!
Песок развозит грузовик старинный,
кряхтя на поворотах: «Трах-тах-та» —
никак не отвезет и половины.

А скоро «отдыхательный» сезон:
нагрянут отдыхающих когорты,
начнется долгий летний марафон,
нахлынут дети, дамы, майки, шорты...

В цветном калейдоскопе закружит
гостей российских в вихре Нестинарки.
Тут будет стол накрыт, стакан налит,
и грянут тосты, от спиртного жарки.

Там кто-то соблазняется легко,
оставив дома «старого оленя»...
Не быть «кисело мялко» молоком!
Ведь он храпит, ну как биндюжник Бенья.

Поэтому трудиться суждено
бульдозерам, грузовикам и людям.
О них не снимут модного кино,
но мы труды их — вряд ли позабудем!

УТРО

А птички все: «чив-чив», да «фьють-фьють-фьють»
вперегонки галдят весенним утром.
Морская гладь играет перламутром,
но не дает в глубины заглянуть...

Вот так и мы — лихачим и хохочем,
распахивая широту души...
Все друг для друга вроде хороши,
но глубже — не пускаем, между прочим...

СУЛТАН В НЕСТИНАРКЕ

Здесь те места, где, в мыслях дерзновенный,
бывал не раз великий Сулейман,
перед походом оголяя верный,
карающий нещадно ятаган.

Его паши — всю плели интриги,
между собой раздув вражды пожар.
А Сулейман, сорвав судьбы вериги,
готовил к бою верных янычар.

На скакуне к заливу Нестинарки
примчался он найти душе покой,
чтобы в боях, где будет очень жарко,
чуть охладить горячий норов свой.

Песчаный берег. Чайки. Ветер с моря...
Султан присел на каменный валун,
оставив в прошлом кровь сражений, горе
и даже тихий стон скрипичных струн.

А где то там, в Стамбуле, Роксалана —
улыбчивая, властная Хуррем,
ввела порядок свой, для турок — странный,
в традиционный издревле гарем.

Все подчинив желанию рабыни —
поднять себя до царственных высот.
Она была жестокой. И поныне
о ней молва не лестная идет.

Ее мечта была проста до боли —
освободить престол для сыновей.
Разрядами своей могучей воли —
она крушила жизнь других людей.

Два грешника, повязанных любовью:
Хуррем и всемогущий Сулейман —
вели детей к Османскому гнездовью
сквозь кровь сердечных и телесных ран.

Но море — бесконечностью пленяло...
Дарило свежесть мыслям и словам...
Султану чуть теплей на сердце стало,
как будто только посетил хамам...

Вот так и мы. На край земли готовы
бежать, лететь, бывшее теребя,
чтобы, осмыслив прошлое, по новой —
прийти к себе, сбегая от себя...

Вячеслав Алтунин

**ПОД МУЗЫКУ ВЕТРА,
ДОЖДЕЙ И МЕТЕЛЕЙ**

(Цикл стихов из нового сборника
«Книга прощаний»)

Вячеслав Васильевич Алтунин родился восьмого февраля 1951 года в деревне Песковатое Белевского района Тульской области в семье сельских учителей. В Белеве закончил среднюю школу, а затем — историко-филологический факультет Казанского государственного университета, после окончания которого работал в районных и областных газетах Тульской области, отдав журналистике более тридцати лет.

Стихи пишет и печатается с 14 лет. Автор и соавтор нескольких книг, публикуется в разных тульских литературных альманахах.

Выпустил три авторских сборника стихов: «Единственная жизнь» (2002), «Корни» (2005), «Перед Небом» (2013). Подготовлены к печати несколько книг стихов и прозы. В своем творчестве автор, главным образом, размышляет о жизни и смерти, об истинных и ложных ценностях, о пути к Богу, к вере.

Лауреат литературной премии Союза писателей России «Бежин луг» имени И. С. Тургенева. Дипломант конкурса Центрального федерального округа «Потенциал России». Член Союза писателей России, член Союза журналистов РФ.

В СНЕЖНЫХ ПОЛЯХ

А в снежных полях —
Угодия сна.
А в снежных полях
Всегда тишина.
А в снежных полях —
Таинственный свет.
И вечен здесь прах.
И времени — нет...

Алмазы — с небес.
Алмазы — с земли.
Щетиною лес
Чернеет вдали.
И чувствуешь: вот,
Всерьез, без игры,
Он здесь, этот вход
В иные миры!

ХУДОЖНИК ПИШЕТ

Все замерло. Художник пишет.
На всем — безмолвия печать.
И гром старается потише
Греметь иль вовсе замолчать.

Стоят, едва дыша, деревья,
Из-за спины на холст глядят.
И город, сумрачный и древний,
Вдруг посветлел, как будто рад.

Художник пишет, как умеет,
Являя людям жизни свет.
К нему и смерть сейчас не смеет
Приблизиться: резона нет.

Художник пишет, а в предместье,
Нарушив ход небесных дел,
Во мраке сгрудились созвездья,
Мечтая, чтоб запечатлел!

И облака легли на крыши.
И гомон суеты угас.
Все замерло. Художник пишет.
Он мир творит. Он Бог сейчас!

ЗАРОСЛИ ДОЖДЯ

Пойдем бродить по зарослям дождя!
От них светлее темная округа.
В журчание прозрачных чаш уйдя,
Увидим мы и небо, и друг друга.

О заросли дождя! Недаром в них
Обыденного не услышишь звука.
Но там звучит небесный светлый стих,
Тревожа сердце радостною мукой.

О заросли дождя! Услышим мы
В них пение небесного органа,
Давида величавые псалмы,
Стихи шестой главы от Иоанна!

Глаза омоем и прозреем вдруг.
И вечности приняв благословенье,
Почувствуем, что свято все вокруг,
Что Сам Творец живет в своем творенье!

ВОРОН

Нет ни солнца над миром,
Ни луны, ни звезды.
Рыхлым льдом, словно жиром,
Все заплыли пруды.
Ожиревшие птицы
Дремлют возле двора.
Лето все еще снится,
Словно было вчера.

Тонут в сизом тумане
Сад и поле, и лес.
Тополь светел и странен,
Как посланник небес.
С поволокой во взоре
Осень дивно легка...
«Кра-кра-кра!»,— это ворон
Прилетел сквозь века.

ОСЕННИЕ ЗЕРКАЛА

Осенние сияют зеркала.
Сияет лес в своем цветном уборе.
Голубизна прозрачна и тепла.
Луна ущербна. Но багряны зори.

Немыслимый и многоцветный свет!
И облаков блистающих громады.
Ни серости, ни тьме здесь места нет.
Здесь даже гленье чисто, ароматно!

И мир на миг весь ясен, до основ.
И тишина в округе не случайна.
Безмолвие превыше всяких слов
И снов... В нем — бытия святая тайна.

РЫДАНЬЕ ЗИМНЕГО ДОЖДЯ

Зимний дождь разрыдался о лете,
О сияющей дальней стране
В этом тусклом, холодном рассвете,
В этом стыллом, обыденном дне.
И природа давно неживая.
И под вечер, как и поутру,
Его слезы звенят, застывая,
Превращаются в лед на ветру...

Неприступен в своем безучастье
Этот мир. Но, идя стороной,

Зимний дождь разрыдался о счастье,
Невозможном в юдоли земной!

В ГЛУШИ

Поздний август. Пора звездопада.
Я один на бугре над рекой.
Изливается в душу прохлада.
Изливается в душу покой.

Далеко, за полями, в деревне,
В полумраке мерцают огни.
Вот простор мой, родимый и древний.
Отдохни здесь, душа, отдохни.

Здесь знакомо все, мило и просто.
Не слышны здесь раздоры, бои.
Недалече, на старом погосте,
Почивают родные мои.

Сердце чувствует смертную тягость.
Это значит, что скоро уже
Я и сам в эту землю улягусь,
Одинокий и с болью в душе.

Вот и ночь опустилась на землю.
Ароматов и звезд торжество.
Августовская глушь. Не приемлю,
Кроме этих чудес,— ничего.

ПОРА!

«Пора, мой друг, пора!»
(А. С. Пушкин)

Пора под ели и березы,
Под эти травы и кусты,
Под ветры, под снега и грозы,
В просторы, что темны, пусты.
Пора на тот бугор над речкой,
Под православный строгий крест.
Здесь, кажется, почил вечность
И на погосте, и окрест.

Пора! Никто не даст отсрочку.
Ну что ж? Я дожил до седин.
И, как прожил я в одиночку,
Так буду и лежать один.
А славно! Здесь — поля без края,
Курганы. И Ока течет.
И небо. И земля родная.
Чего ж, душа, тебе еще?..

ПЕЙЗАЖ

Рыжие дороги зимы.
Серая пустыня небес.
Белые поля тишины.
И вдали чернеющий лес.
А по вечерам, вечерам —
Синяя, чернильная тьма.
Желтые огни из-за рам.
Мертвая, глухая зима.

Лишь собачий брех иногда
Потревожит стылую тишь.
И текут чуть слышно года
И века над скатами крыш.
И в молчанье мгlistых высот
И полей, где жутко, темно,
Ужас душу вдруг обожжет:
Может быть, я умер давно?

Елена Вотина
(Украина)

Родилась и выросла в городе Ижевске. Проводит занятия с детьми по живописи, лепке и многими видами творчества. Счастливая мама троих детей.

ПОЭТ

Создам я на бумаге образ новый,
Украшу золоченою поталью.
Пусть это будет мальчик, чуть влюбленный,
С прекрасными печальными глазами...
Пусть будет он застенчивым поэтом,
Не уязвленным рифмами, однако.
Пусть будет мудрым, трепетным и светлым,
Способным от чужого горя плакать.
Пусть мальчик, путешествуя по нотам,
Мелодии стихами наполняет.
Не будучи героем, знает что-то,
Что на колени подлецов поставит.

.....
Наступит миг, когда с творцом отважно
Придуманный сюжет посмеет спорить...
И позолота на лице бумажном
Дороже целой жизни будет стоять.
Я наотрез отказываюсь верить,
Что созданное мной не существует.
Откроет мой герой любые двери,
На темном небе звезды нарисует...
Я должен быть таким, как этот парень,
Да крылья поломались встречным ветром...
Придуманный мальчишка со стихами —
Пусть будет настоящим Человеком!

ИНОСТРАНЕЦ

Ну, все! Ты — гражданин другой страны.
Не так, чтобы далек, но все же недоступен.
Ты видишь те же золотые сны,

Ты так же верен, так же неподкупен...
Но только — гражданин другой страны.
А это значит, что другие звезды
Твой освещают путь, и яркий Южный Крест
Тебе пророчит рано или поздно
Забыть всех нас, кто остается здесь...
И яркий попугай заменит неприметность
Берущего за душу соловья.
Прощай, мой друг, прощай!
Теперь от сердца к сердцу
Протянута лишь мысль, что мы — друзья...

* * *

Поднимаясь над собственным тягостным неумением
Выражать свои мысли толково, умно и правильно,
Разрожаюсь, как облако снегом — стихотворением.
Рифмами истекаю, как зверь, на охоте раненный.
Это так больно, как больно рожать было матери.
Это так стыдно, как деньги забрать у слепого.
Это так страшно, как страшно стоять на паперти,
Не находя в себе ничего. Ничего святого.
Чем же я лучше того голодранца-нищего,
Что целый день в тряпье к людям тянет руки?
В шапке лежит, словно мелочь, — четверостишие...
Над головою — небесных мелодий звуки...

БОРЬБА

Я верю, что в итоге все получится.
В чужой игре быть пешками не хочется.
Борись, не отдавайся воле случая,
Не бойся оказаться в одиночестве.
Не удержать живой души оковами.
Свобода и в тюрьме, когда ты веруешь.
Взгляни в глаза холодные, свинцовые...
Реши, чем ради истины пожертвуешь.
Есть власть над палачами у решительных,
Не надо над задачей долго мучиться.
Победа над собой — всего внушительней.
Я знаю, что в итоге все получится!

METAMORPHOSIS

Родиться. Жить. И наслаждаться летом.
Под листьями скрываться от дождя.
Обласканным быть теплым мягким ветром.
Вгрызаться в жизнь с такими же, как я.
Упругим телом отдаваться солнцу,
С друзьями пить хрустальную росу,
Не ожидая дня, когда придется

Мне умереть в моем родном лесу.
И куколкой лежать, теряя память.
И смутно понимать, что это смерть
Меня схватила и не отпускает.
Я жил лишь для того, чтоб умереть...
.....
Кутикула ломается пустая,
Где гусеница бывшая спала...
А бабочка веселая, порхая,
Не помнит, как бескрылою была!

Игорь Лукин
(г. Орел)

Родился в 1988 году в городе Бровары (Киевская область, Украина). В возрасте пяти лет переехал с родителями в город Орел, где в 2005 году окончил школу и поступил в Орловский государственный университет на филологический факультет. В 2010 году окончил учебу в университете и поступил в аспирантуру, где некоторое время изучал творчество А.Платонова. Автор нескольких научных работ по прозе А. Платонова. Печатался в литературном альманахе «Российский колокол».

* * *

Как сладко заснуть среди зноя,
Окунуться в постельные ткани.
И заспать надоевшее горе,
Пока новое душу не ранит.

Так приятно раскрыть одеяло
И оглохнуть на ухо одно,
Забвенье чтобы память уняло,
Как пурпурного цвета вино.

Как приятно вернуться с прогулки
После улиц, увязших в жаре,
Потушить в туалете окурки,
Раствориться в глухом забвенье.

Пусть на улице солнце, как дьявол,
Раскаляется, сходит с ума.
Лишь бы я в забвенье своем плавал
И не видел, не слышал окна.

Лишь бы сон облизал мои струпья,
Между временем сделал разрыв,
Удалил от сетчатки распутье,
Иллюзорное счастье открыв.

Лишь бы потом покрылся затылок,
Чтобы вытекла струями грязь.
Ни страданий, ни грез, ни ухмылок
Не подарит разрывная часть.

Пусть потом отворится сетчатка,
А вокруг уже станет темно.
И вернутся печали обратно
Сквозь открытое настежь окно.

* * *

Воздушный шар летит высоко,
По направлению к лучам —
Он убегает от востока
К американским берегам.

Воздушный шар летит, пылая,
И умалается вдали —
О нем немногие узнают
И оторвутся от земли.

Воздушный шар умчится вскоре,
Покинув сумрак этих мест.
Воздушный шар увидит море
И на земле поставит крест.

* * *

Помнишь сон об ужасной утрате:
Голос ангелов, церковь и гроб?
А потом были водка и скатерть,
Поцелуй и прощание в лоб.

И знакомых толпу возле ямы,
Что несли его тело к земле,
Тот надломленный голос у мамы,
Твои мысли и чувства в золе.

И в сознании было невнятно,
Словно пыльным мешком получил.
Засыпал, просыпался внезапно
И веселую жизнь удалил.

Через месяц открылись сирени,
И черемуха выдала цвет.
Прошлогодние сны на постели
Посылали счастливый привет.

Через год мы опять вспоминали
Сон об ангелах, церкви, свечах.
Прошлогодние листья опали,
Чтобы снова шуметь в облаках.

Переулок за белой больницей
Нам казался тоннелем из сна.

Мы не знаем тот мир за границей —
Только снится нам эта страна.

* * *

Прерванный сон,
Словно прерванный акт половой.
Что-то серое из окон,
Паутина над головой.

Что-то доброе снилось, затем
Так не вовремя веки открылись.
Но будильник пока глух и нем,
И часы за подъем извинились.

Мне казалось ответ уже близко
На волнующий сердце вопрос.
Но глаза отворились так быстро,
Словно скоро идти на помост.

Все же время так мило терпело,
Но на грани счастливой подъем
Разбудил мое спящее тело,
Разорвал недосмотренный сон.

Туалет заревел, выпил чаю,
Недопитого сутки назад.
И опять я в постель возвращаю
Пропотевший под тканями зад.

И опять вырастают полотна
После тягостных утренних дел.
Сон вернулся ко мне беззаботный,
Только скоро наступит предел.

ПОСЛЕ ПРАЗДНИКА

Опустела площадь, ушли музыканты,
Отработало норму такси.
Отработал парад, отслужили пуанты,
И обслуга сказала: «Merci».

Отслужили священники службу,
Отгорели лампы в церквях.
По домам отправляется дружба,
И собаки опять на цепях.

Даже дождь перестал, даже солнце
Перестало блестеть в этот мир.
Даже грусть, даже память не льется,
Выбиваясь из умственных сил.

И вино не играет в бокале,
Папиросы не выпустят дым.
Только дворники площадь убрали...
Даже страх на минуту остыл.

И *она* отпустила запястье,
На последний троллейбус спеша.
Ничего больше нет, даже счастье
Потеряла хмельная душа.

Маргарита Дутлова
(г. Тула)

Маргарите Дутловой 28 лет. Творчеством занимается со школьных лет. Любит писать стихи, рассказы, эссе. Закончила класс с театральным уклоном в лицее искусств г. Тулы. Имеет средне-профессиональное педагогическое образование.

МНОГОТОЧИЕ

Читаю строчки
Пополам —
Многоточие.
Весь мир
Погрыз в суете —
И точка.
А то, что небо
Над головой
Голубое;
И в этом мире
Одиночества
Нас хотя бы
Двое.
Условный знак —
Как в клетке,
И мы идем
По тротуару —
Интеллекту.
А где найти
Возможность
Быть взрослее.
На пути
Восторженности —
И полетели.

КЛАВИШИ

Клавиши, чемодан в дорогу,
Портрет в полный рост,
Что попросить у Бога.
Клавиши, холодный чай,

Кофе по вечерам,
Ты обо мне просто знай,
Ты мне сейчас помоги.
Клавиши, светильник на кухне,
Не запирай дверь, прошу,
Ветер мне в спину будто,
Все же еще зайду.
Клавиши. Воздух на вечность.
Кресло. Газета. Подушка.
Ты же меня послушай,
Где-то теперь беспечность.

ФОНАРИ

Снова по кругу
Блуждаю в ночи,
Болью, испугом
Сердце кричит.
Снова рожают
Недры звонка.
Кто созидает,
Мир без тебя.
Снова безлико
Эхо в дали,
Стало вдруг тихо,
Горят фонари.

КАК ТЫ ЖИЛ ВСЕ ЭТО ВРЕМЯ

Спал и видел много снов —
Как ты слушал ночью имя,
Слышал тысячи врагов.
Как ты жил и думал вечность —
Вечно будешь в суете;
И пришла вдруг бесконечность,
Побывавшая в беде.
Как ты шел и знал, что чудо —
Неприменно, но придет —
И не мелочь, и не ссуда —
И удар не отведет.
Как дышал ты — невидимка
В образ, созданный навек,
Целого ли половинка
Или черный — все же снег.
Как же предан незабвенно —
И придуман — не тобой;
Все решенное безумно —
Создано другой судьбой.
Как посмел ты одичало,
Опровергнув, выносить —

Положил ли ты начало —
Головы ли не сносить.
Как сумел так беспощадно
Мысли чистые рубить —
Ты причал, но без причала —
Кем же снова тебе быть?

Николай Мирсков
(г. Раменское)

Родился в 1984 г. на Дальнем Востоке, в г. Хабаровске. Закончил Тихоокеанский государственный университет по специальности инженер ПГС. В данный момент проживает в Подмосковье. Творческому пути дал старт в начале 2015 г., хотя первые попытки делал в 13 лет — один его катрен был напечатан в газете хабаровского Лицея информационных технологий. Проживает в г. Раменское. Творчество посвящается читателям.

ДЕНЬ ТАТИАНЫ

Я, Alma mater посетив,
Увидел в этот день Татиану.
И кажется, что без изъяну,
Пришел, стих ей предвосхитив.
Она стояла, лик склоняя,
В иконе древней на стене.
Студенты мимо, смех роняя,
Спешат в счастливой кутерьме.
Москва. Указ Елизаветы
Воздвиг великий Храм наук.
С тех пор бросают ввысь монеты
Его звонка услышав звук.
Гуляют, водят хороводы,
Пируют власть — веселье ждет!
Весна. И чуткая природа
Зимы ломает старый лед.
Лишь только грусть веков седея,
Чтя Устроительницы век,
О краткой памяти все зная —
Уж так устроен человек...
Забыл мучения Татианы,
Святой, что консульской семьи.
Разрушен ею храм Дианы.
Хулитель сгинул в забытьи!
Христианский свет несла, страдая,
Она с отцом, но острый меч
Сатрапа Севера, сверкая,

Усек святого лика речь.
С тех пор дошедшая та драма
У многих сердца застит стук,
И настоятельница храма
Хранит достойный Храм наук...

СЕЧА

Сапог покрасив гуталином,
Он шел неспешно на войну.
Верна жена его Галина
Была у брэнности в плену.
Стирая мужнину рубашку,
Не ждя от армии потерь,
Кормила деток манной кашкой.
Он, попросившись, вышел в дверь.
Была зима. Врага сметая,
Шла кавалерия. Полки
Коней, наездников теряя,
Паслись у Высшего суда.
Шла сеча. Дважды спозаранку
Атака быстрая, и мгла,
Застив глаза, бойцов изнанку
Оружьем снегу принесла.
Возвившись, страждущих карая,
Среди сей бранной кутерьмы,
Блеск стали, ветер рассекая...
Горят жестокие умы.
Закончив бой, узрев потери,
Обедать, кашляя, бредут,
В свой рок, в страну свою поверив,
Смеша, смеясь, в родной редут.
А муж в свой край, хромой, вернулся,
Обнял детей, жену стремглав.
И снег идет, и круг замкнулся,
Нам прозу жизни описав.

НАПАДЕНИЕ

Чеканя шаг по мостовой,
Шел взвод. Суровы лица в дали
Смотрели. Кто еще живой?
Хитер противник. В день утрясь,
Забыв священный договор,
К прыжку как дикий зверь готовясь,
Одел воинственный убор.
Попрал дозволены границы,
Нарушив мирной жизни бег,
Разрушил города, станицы.

Призвал Всевышнего в набег.
Страда, где молодость и старость,
Жалея только лишь себя,
Рубила головы. Усталость
Привычно чуяла, губя.
Дым черный вился над простором,
Неся страдания. С небес
Летели коршуны дозором.
Вселился к ним кровавый бес.
Лукавый, видя представленья,
Урчал довольно. Чан с водой
Подогревал и угощенье
Варил с тем кто не шел домой...

ПОТЕРЯННЫЙ ЗАВЕТ

В небе смерклось, птицы замолчали.
Тучи, солнце полонив, летят.
Стайки грязных, плачущих дитят
Видят в страхе чудища из стали.
Нестерпимо в воздухе от смрада.
Рой проворных, черных вьется мух.
Уст в уста, гадая, льется слух.
В гости ждет земли родной прохлада.
Остервенело глаз вгляделся в тьму,
Что ползла, летела и бежала.
Мать-земля гремела и дрожала,
Восклица — все свое возьму!
Света, тени рать пускала кровь.
Посекло двуногих плоть не мало.
После брани чище поле стало.
Затянула Мара ум их вновь.
Вспышки света в окнах задрожали,
Застя взгляд свидетелей немых.
Жгли траву, благословя слепых.
Загодя, лишь с разумом бежали.
Но куда не дайся — схрону нет.
Разум на поверку был безумьем.
Он затих в канаве над раздумьем.
Сгинув бесколленно, пал Завет.

УШЛА

Скрипнула дверь.
Ветер пропел погребально.
Кто я теперь?
Солдатом поставлен дневально.
Взглядом в окно.
Тучи в душе и на небе.
Ей все равно.

В думах лишь только о хлебе.
Жизни струна.
Взвизгнув в миноре, стихала.
Мглы сторона.
Боль как с пчелиного жала.
Глупая спесь.
Рынка бездарного сверка.
Грязная взвесь.
Встала меж нами проверка.
Высказал все.
Черточкой крыто бывшее.
Все для нее.
Стоптаное. Алчит иное.
Хмеля стакан.
Белого дыма круженье.
Вечеру пьян.
Взгляда в стекле отраженье.
Стали цевье?
Нет. Не бывать! Наважденье...
Сон. Забытье.
В новую жизнь погруженье.

О БЫЛОМ

Чего на свете не видал:
В судьбу людскую вовлеченный,
Иным внимая, приземленный,
В трех соснах с радостью плутал.
Я видел свет и видел тени,
Друзей терял, найдя врага.
Ему краюху пирога
Отрезав, гнал собак на сене.
Иных уж нет. Бывало, в вечер,
Свет лампы старой погасив,
Судьбы коварной супротив,
Внимал, в душе поставив свечи.
Ходил я в дальние походы
И зрел нездешние края.
Заплыв далече, за моря,
Судьбу крестил с чужим народом.
Любви сиреневой усладу
В года молодые испытал.
С своей вакханкой забывал
Себя и брал ее в награду.
Теперь седой, в чертог я рая
Еще, признаться, не спешу.
Ко рту я трубку подношу
Дела свои припоминая.
Признав в себе я слова дар,
Спешу прожить свое столетье.

Припомнив снова лихолетье,
Пишу к вам этот мемуар.

ТОМЛЕНИЕ ДУШИ

Пока есть у меня в душе томленье,
И неги сладостная боль,
Я буду ждать уединенья
Лишь с ней одной — своей Ассоль.
В дни рока, страшных испытаний,
Знай, ты одна меня спасла.
Себя ты в жертву принесла
Во след презренных восклицаний.
Я помню первое знакомство:
Ты шла с подругой не спеша.
Летит в альков небес душа,
Не заметив вероломства...
Увидев лишь твой чудный стан,
Своими ясными очами,
Был восхищен. И свой изъян
Вдруг прятал сбивчиво речами.
Гуляем в парке вдоль аллеи
На солнце нежась. Время бег —
Не замечая. Глас ветвей,
Где ветер свил уютный брег...
Уж вечер. Друга проводив,
За руку нежную несмело
Тебя веду. В глазах сомлела,
Минутной страстью напоив.
Все помню. Много лет минуло.
Но Музу прежнюю свою
Лелею. Страстию горю.
«Будь счастлив» — сладко мне шепнула.

Полина Пороль
(г. Оренбург)

Студентка Оренбургского государственного университета. Печаталась в коллективных сборниках, в антологии «И мы сохраним тебя, русская речь, великое русское слово!.. Классики и современники о русском языке». Лауреат премии «Гостиный двор», «Чаша бытия». Автор книги стихотворений «Бессонница апреля».

БЕЛАЯ РУСЬ

*Ой ты Русь моя, белая-белая,
Припадаю к ногам твоим смело я*
Микола Адам

«Ой ты Русь моя, белая-белая,
Припадаю к ногам твоим смело я»,
Заблудиться хочу в твоих росах,
Быть с тобою и нищей и босой.

В крестном знаменье сложены пальцы,
Пусть враги навсегда посрамятся.
Пред иконой замру на коленях
Искупить все грехи поколений.

Я героем однажды предстану
Перед вражеским огненным станом,
И, дождавшийся, выстрела в спину,
Навсегда эту землю покину.

А пока я живу тем, что русский.
Что мой путь и тернистый, и узкий.
Что не нужно для подвигов битвы,
Зеленеет в окне моем витва.

«Ой ты Русь моя, белая-белая
Припадаю к ногам твоим смело я»,
Бледнолицая, хрупкая очень,
О тебе я молюсь днем и ночью.

* * *

Помолись, чтобы отсветы виделись ярче
Ледяных, неизведанных, мánящих звезд.
Будто слышится, кто-то по-детски здесь плачет,
Кто-то звуки знакомых молитв произнес.

На разрушенной паперти древнего храма...
У алтарной стены, что незримо видна,
В благовониях греческого фимиама
Тихий ангел стоит у резного окна.

И столетье прошло, и метели, и годы
Закружились своей чередой беспокойств
Только радость небесной, священной свободы
В том, кто душу свою над землей превознес.

Колокольные звоны Великой России,
Сердце снова трепещет, ликуя в груди.
Вижу свет бесконечно-глубокий и синий,
Очертание вижу креста впереди.

Помолись, чтобы отсветы виделись ярче
Ледяных, неизведанных, манящих звезд.
Каждый день уходящий для нас что-то значит,
Кто-то звуки знакомых молитв произнес.

ЛЕГЕНДА КИТАЯ

*Ради всего живого на Земле Хоу-и
уничтожил 9 солнц...*
Сказание о Чан Э, оказавшейся на Луне

Может быть, это только мой сон,
Или грезы от яшмовой флейты.
Но со всех обступили сторон
Десять солнц, иссушившие ветры.

На земле не осталось воды,
И деревья поникли от жажды.
На песке оставляя следы,
Жизнь уходит, явившись однажды.

Погуби эти девять светил,
Мы не требуем бóльшего света.
Я душистый осмáнтус растил,
Он погибнет без влаги и ветра.

Пожелтели страницы легенд,
Старый лаоши* прячется где-то.
Древним Солнцем был мир наш согрет,
Память предков веками воспета.

ПАВОЛ ХОРОВ
(перевод со словацкого)

MAME

Мне мама пишет грустное письмо
О том, что беспокойно наше время.
Война приблизится, поставит вновь клеймо
На незащитное людское племя.

И слышен снова вечный зов ее
Для единений, подвигов и битвы.
Но сердце матери надеждою живет
И ищет утешения в молитве.

Душа скорбит, не утихает боль
За чтением библейского сюжета.
Но ей давно предназначалась эта роль,
И мама молится и снова ждет ответа.

Предчувствия, смутившие ее
Известны мне за сотни верст далеких,
И жалость голубем на грудь мою
Приникла нежностью, любовью робкой.

Ее страданья — больше слез Земли,
И до могилы суждена лишь неизвестность.
Так безответны письма ей мои,
Так безответно расстояние — Вечность.

Заплачет мама добрая моя,
И гордость не затмит ей сердца боли.
Душа родного сына, как своя,
Страдает на чужбине поневоле.

Кровавый, страшный, небывалый бой,
Одной надежды мало для спасенья.
Привычный отнят матери покой,
Как лист осиновый дрожит без утешенья.

Все ложь поэта, но задуман стих.
Слова звучат, их воплощенье — Вечность.
Закален штык, и пламень не затих,
В словах поэта жизни бесконечность.

* лаоши — учитель.

И в тишине, в безмолвный, мирный час
Вдруг оживает сказанное слово,
Становится естественным для нас
Все отзвучавшее, что было незнакомо.

Гроза событий прежних страшных лет,
Что наших унесла детей невинных,
Нам объяснила: Будущего нет.
Но Родина стоит неколебимо.

И крепостей ее надежен древний щит,
И к облакам стремятся шпили башен,
И тихий свет над Родиной разлит,
И крепка вера в час молитвы нашей.

Так мы взрастили песнь себе о счастье
Под городскими стенами домов,
Она звучит, не глядя на ненастья,
И в воздухе ликует городов.

И эти звуки солнца нам яснее,
И чище, чем весенняя вода.
Пусть матери в победу нашу верят,
Сердец пусть не тревожат никогда.

Мир в каждом звуке, в каждом слове — свет,
Он крепок вновь, и горизонты ясны.
Язык родной спасает нас от бед,
Священное орудие прекрасно.

Валерий Румянцев
(г. Сочи)

Зорькин Борис Иванович (литературный псевдоним Валерий Румянцев) родился в 1951 году в Оренбургской области в семье судьи. Среднюю школу окончил с золотой медалью. Учился в Куйбышевском авиационном институте, на юридическом факультете Северо-Осетинского госуниверситета. Окончив филологический факультет Воронежского государственного педагогического института, три года работал учителем, завучем в одной из школ Чечено-Ингушской АССР. После окончания Высших курсов КГБ СССР на протяжении тридцати лет служил в органах госбезопасности. Из органов ФСБ РФ уволился в звании полковника. Женат, имеет двоих детей и четверых внуков.

Лирические и юмористические стихи, басни, эпиграммы, литературные пародии, лаконизмы; реалистические, сатирические и фантастические рассказы Валерия Румянцева печатались в 140 изданиях РФ и за рубежом (в том числе в 37 литературных журналах).

* * *

Она два раза приходила,
Но я ей дважды отказал.
И к небесам подняв глаза,
Она промолвила уныло:
«О боже, что за идиот.
Несется время все быстрее,
А он в плену пустых забот
Никак не может стать мудрее.
Что возомнил он о себе?
Мне говорить: зайди попозже...
Идти наперекор судьбе...
Господь, позволь мне быть с ним строже».
В разрыве туч пронесся свет,
Прогрохотало сто орудий.
И с неба донеслось в ответ:
«Оставь его. Он неподсуден».
Взметнулись тучи как свеча,
Чье пламя в миг последний бьется.
И Смерть ушла, под нос бурча,
Что, все-таки, она вернется.

* * *

Жизнь уходила в Никуда,
А нам казалось,
Что все прошедшие года —
Такая малость.
Что впереди — огромный путь,
И только к свету.
И не придется нам свернуть
С него в кюветы.
А между тем наш светлый путь
Предстал вдруг темным.
И робко бьет тревога в грудь:
Туда идем ли?

* * *

Так хочется порой сойти с ума...
Но трап убрали церберы рассудка.
Не может ум — плавучая тюрьма —
К чужой земле пристать ни на минутку.
Пльвем по воле ветра и судьбы
Навстречу нескончаемым рассветам.
Хоть горько сознавать, но мы рабы
Не нами сотворенного сюжета.

* * *

Жизнь завершается не вдруг.
Она стократно намекает,
Что завершился этот круг
И наше время истекает.
Казалось бы, о чем грустить,
Ведь новый путь еще неясен.
О нем еще нельзя судить,
Вдруг он окажется прекрасен.
Но так устроен человек,
Что вечно перемен страшится.
А ведь по сути жизнь — разбег,
И нужно на прыжок решиться.

* * *

Опаздывать у мудрости в крови,
Поскольку жизнь всегда нетерпелива.
Когда поют ночами соловьи,
Нам некогда внимать их переливам.
Когда уткнемся в жизненный тупик
И кажется — вот время для раздумий,
Застынет жизнь растерянно на миг
И вновь швырнет нас в череду безумий.
И лишь под вечер жизненный закат,
Окутав время красными волнами,

Вернет нас вдруг на много лет назад
Туда, где мудрость тащится за нами.
И встретимся мы с ней глаза в глаза,
И вспыхнут благоглупости пожаром.
И жизнь как виноградная лоза
Наполнится живительным нектаром.

СВЕЧА ГОРЕЛА

Был звон мечей и шорох стрел
Привычным делом.
И воцарялся беспредел
И злость кипела.
Гремели войны на земле,
Не прерывались.
Стихи слагались в тишине,
Стихи слагались.

Людей швыряло как мячи
Во все пределы.
Но были души горячи,
И кровь кипела.
Встречались люди на войне
И расставались.
Стихи слагались в тишине,
Стихи слагались.

Людей сжигали на кострах
За непохожесть.
Но мысли их, пройдя сквозь страх,
Давали всходы.
Людские судьбы при Луне
Переплетались.
Стихи слагались в тишине,
Стихи слагались.

Во все века сквозь суету,
Сквозь дикость чувства,
Вставали в бой за красоту
Жрецы искусства.
Они парили в вышине,
Не опускались.
Стихи слагались в тишине,
Стихи слагались.

* * *

В неволе родился Орел.
Пришла пора, взлететь собрался,
Но кто-то цепи изобрел,
Чтоб на земле он оставался.

И как он крыльями ни бил,
Но к долгожданному полету
Не приводил орлиный пыл:
Надежно цепи сделал кто-то.
Так человек. Как ни стремись
Ввысь от обманов и коварства,
Тебя магнитом тянут вниз
Упорно цепи государства.

* * *

Сойти с ума в глухую полночь
И по неведомой тропе
Брести до самого рассвета
В немой безрадостной толпе.

Отбросить прочь надежды сети
И Завтра разглядеть в упор,
Чтоб все принять без содроганья
И не вступать с реальным в спор.

Увидеть Правду в пенной браге,
Спокойно принимать хулу.
Как это просто на бумаге.
Как это трудно наяву.

* * *

Тучи над прошлым, и тучи над будущим,
Солнечный луч лишь на миг пропустившие.
Тучи, внезапно представшие чудищем,
В памяти все невпопад закружившие.

Горькие сны, прямо в явь проходящие.
Мудрые мысли, никчемность явившие.
Прошлое как ярый враг настоящего.
Люди, бессмысленно жизни прожившие.

В памяти жизни иные, звенящие,
Колкими искрами душу залившие,
Наперебой в неизвестность манящие,
Чувства горячие, чувства застывшие.

Тучи над прошлым, и тучи над будущим,
Слезы досады дождями пролившие.
Символом, в сердце извечно пребующим,
Кружат, все в мире в себя поглотившие.

РОМАНС

Сегодня, в этот час, когда луна
Блестит на небосводе как монета,

Я спеть хочу о той, что влюблена
Была когда-то в русского поэта.

О, как же этот жребий был тяжел!
Любить того, кто сам себя не любит,
Того, кто лишь на миг сюда зашел,
И только выйдет, сразу все отрубит.

А сколько было снесено обид,
Когда ее бросал он ради Музы.
И сердце до сих пор еще болит
От тяжести утраченного груза.

Но есть в печали сладостная боль.
И, вспоминая то, что с нею было,
Она чуть слышно шепчет, как пароль,
Стихи того, что некогда любила.

Свет лунный льется через окна в дом,
Она воспоминаньями согрета...
И мало кто подумает о том,
Что без нее бы не было поэта.

* * *

Любовь!
Как звучно это слово!
Как много тайн сокрыто в нем!
Его я повторяю снова,
Душа горит его огнем.
Любовь!
Божественное слово.
В нем скрыта сущность бытия.
В нем — мироздания основа.
В нем — смерть. В нем — боль.
В нем — жизнь моя.

Валерий Темнухин
(г. Нижний Новгород)

Родился в 1967 в Казани. Стихи начал писать в 1987 году. Первая публикация стихов — 1989 год. С 2004 года работает над стихотворным переложением «Слова о полку Игореве».

ЗАЧИН

(из поэмы «Каяла» — вольного стихотворного переложения «Слова о полку Игореве»)

Братья, не благом ли будет для нас
Песней начать, как в преданье старинном,
Трудную повесть, тяжелый рассказ,
Быль о походе князей самочинном?

... Тех, кто хотели в недолгом бою
Славу добыть как награду свою;

Храбро сражаясь за землю родную
Ратную силу рассеять степную;

Русь удивляя победой неожиданной
Снова возвыситься славою бранной.

Старший над ними, душою — орел! —
Войско на половцев Игорь* повел —

Игорь, князь Северский, сын Святослава**,
Отчего края надежда и слава;

Князя Олега*** воинственный внук,
Не выпускавший удачу из рук.

* Игорь Святославич — годы жизни 1151—1202; сын Черниговского князя Святослава Ольговича, внук Олега Святославича Черниговского («Гориславича»). С 1179 года — князь Новгород-Северский, с 1198 — князь Черниговский.

** Святослав (Всеволодович) Киевский — князь (годы жизни ок.1125—1194), с 1180 года верховный правитель Руси; старший двоюродный брат князей Игоря и Всеволода «Буй Тура», внук Олега «Гориславича»; за год до похода Игоря Святослав в союзе с Рюриком Ростиславичем наголову разгромил половцев.

*** Олег Святославич («Гориславич») — князь Черниговский и Тмутараканский, дед Игоря Святославича Новгород-Северского, двоюродный брат и соперник Владимира Мономаха; прозвище «Гориславич» получил и за талант полководца (от «горящий славою»), и за крайне несчастливую судьбу (от «прославляющий горе»); умер в 1115 году.

* * *

Вспомним как в минувшие года
Расцветала Русь, другим на диво.
Первые сказители тогда
О грядущем пели прозорливо.

И Боян^{*}, коль захотел кому
Песнь сложить, умом блистая смело,
То, призванью верен своему,
Начинал задуманное дело:

Сказывал дружинам и полкам
Следуя старинному напеву.
И сама летела к облакам
Мысль его, ветвясь, подобно древу;

Мчалась серым волком по земле,
Реяла орлом под небом синим;
Словно луч зари в угрюмой мгле,
Русичам отраду приносила.

Сказывал о том, что помнит он
Прошлых лет походы и победы.
Соколов пускал со всех сторон
Миг удачи, вкус борьбы изведать:

Десять поднимал, как чародей,
В небеса — догнать чужую птицу;
На шипящих злобно лебедей^{**},
Что летят на русскую границу.

Уносились соколы вперед:
Взмах крыла — и в бездне голубой;
Каждый, коль пришел его черед,
Сходу принимал неравный бой.

И лишь сокол смелый настигал —
Лебедей воинственная стая
Разбивалась, как волна у скал,
Пела песню, крыльями плеская:

Рассыпалась похвалой громкой
Мудрому былому Ярославу^{***};
Отголосками молвы звонкой
Воздавала храброму Мстиславу^{****}

* Боян — древнерусский поэт, воспевавший в возвышенной форме победы русского оружия.

** Лебедь — племенной знак (своего рода герб) кочевников-половцев.

*** Мудрый Ярослав — Киевский князь, один из наиболее видных деятелей единого древнерусского государства; умер в 1054 году.

**** Мстислав — князь Черниговский и Тмутараканский Мстислав Владимирович Великий или Храбрый, брат Ярослава Мудрого; умер в 1036 году.

Почести за трудный, долгий бой;
Мужество, ведущее к победе.
В поединке том, храним судьбой,
Князь ни в чем не уступил Редее*.

Но, сражен Мстиславом, весь в крови,
Сам Редеея — грозный вождь касогов —
Потерял владения свои
У Кавказа северных отрогов.

Не помог к боям готовый полк —
Не успел на Русь начать похода.
Хоть и знал Редеея в силе толк,
Был повержен пред лицом народа.

...Яростью полна лебязья стая
Проплывая в синей вышине;
О победе русской вспоминая
В той, давно оконченной, войне.

И о том, как пал на поле брани,
Кровью изойдя от многих ран,
Но не сдал своей Тмутаракани**
Гордый князь, краса Руси, — Роман***.

...То не десять соколов отважно
Настигали стаю лебедей,
И кричали лебеди протяжно,
О кровавых битвах прежних дней,

А дрожали струны, грянув дружно,
Если их перебирал Боян:
То едва звучали там, где нужно,
То звенели в память о боях.

Начинала петь струна тугая —
Живо, лишь касались пальцы рук
И скользили, сверху налегая, —
Дивно извлекая каждый звук.

И рождалась, братья, песнь такая:
Все сбылось, о чем мечталось в ней.
О князьях могучих вспоминая
Становились мы еще сильней.

* Редеея — вождь племени касогов, населявшего Северный Кавказ; поединок Мстислава и Редеди состоялся в 1022 году.

** Тмутаракань — город на берегу Черного моря, в районе нынешней Тамани; столица русского Тмутараканского княжества, завоеванного впоследствии половцами.

*** Роман — Роман Святославич «Красный», князь Тмутараканский с 1073 года; внук Ярослава Мудрого и родной брат Олега «Гориславича» Черниговского; убит половцами в 1079 году.

И казалось: в рокоте напевном
Гордо говорила наша честь —
Грозная, как гром на небе гневном,
На врага обрушивала месть.

Но пришли иные времена:
Солнце нашей славы потускнело...
Ныне покорится ли струна,
Поведеет рассказ, как было дело?

Лейся же, как велено судьбой,
Быль суровую поведай без обмана
Песня, что сильна сама собой,
Забывая замыслы Бояна!

